

Лишь благодаря подсказке господина Юаня Чи Нин узнал превосходную новость: Чжоу Хайва уже настрадался сполна. Приятно было осознавать, что враг мучается, хотя сам Чи Нин еще даже не приступал к осуществлению своего плана мести.

В письме ко второму старшему соученику, Сяньсяню, Чи Нин не удержался от язвительной приписки:

«Дирекция дворцового хозяйства совсем пришла в упадок. Разве можно было назначать главой с печатью подобное ничтожество? Кажется, если бы прежние директора узнали об этом, они бы от злости перевернулись в своих гробах».

Первая пропажа личной печати Чжоу Хайвы действительно была делом рук Чи Нина — маленькой и изящной мстью. Однако во всех последующих кражах его вины не было. По крайней мере, умышленно он к этому не стремился.

Черный дух одержимости, Синчжи, страдал недугом, типичным для всех человекоподобных существ его ранга: стоило ему что-то вбить себе в голову, как он становился абсолютно глух к любым увещаниям. Неизвестно, какая именно струна натянулась в его призрачном разуме, но теперь в список его ежедневных дел, помимо традиционного повешения у ворот управы, входила кража печати директора дворцового хозяйства.

Синчжи бережно собирал одинаковые яшмовые оттиски и вешал их себе на пояс. Их накопилось так много, что они образовали некое подобие звенящей юбки.

Увидев это великолепие, Чи Нин лишь тепло прищурился и ласково похвалил:

— Очень красиво, тебе идет.

Чи Нин вовремя осознал, что от живого и невредимого Чжоу Хайвы гораздо больше пользы, нежели от мертвеца, а наблюдение за его ежедневной агонией — лишь приятный сопутствующий бонус.

Существовал один неоспоримый факт: избавился бы Чи Нин от Чжоу Хайвы прямо сейчас, на его место тут же прислали бы какого-нибудь условного Чжао или Ли. Новый император в любом случае не спешил бы отдавать полноту власти в Дирекции дворцового хозяйства самому Чи Нину. Хуже того, подозрительный правитель мог решить, будто хитрый евнух сам подставил или устранил своего начальника ради продвижения по службе. И это не было излишней мнительностью — такова суровая реальность дворцовой борьбы.

Потому запуганный, трясущийся от каждого шороха Чжоу Хайва, который более не смел совать нос в дела подчиненного, подходил идеально. Его присутствие на посту избавляло Чи Нина от множества лишних хлопот.

В связи с этим у Чи Нина зародился еще более дерзкий замысел. Время для его воплощения пока не пришло, но молодой человек не сомневался: час пробьет очень скоро.

Впрочем, на данный момент первостепенной задачей оставался отбор невест.

Десять городов для проведения отбора Чи Нин определил лично, действуя с предельной расчетливостью. Местные оборонные евнухи вовсе не обязательно принадлежали к южной фракции Чжэньнань, но все они, как на подбор, отличались редкой глупостью, и манипулировать ими не составляло труда. У Чи Нина имелось немало изъянов, но болезненная тяга к тотальному контролю определенно занимала среди них почетное место. Он не питал личной неприязни к окружающим — ему просто безумно нравилось, когда все беспрекословно пляшут под его дудку.

Благодаря незримому содействию господина Юаня масштабный отбор кандидаток на роль супруги наследника князя Цзина завершился всего за двадцать дней. И это с учетом времени, которое потребовалось юным девицам и их сопровождающим, дабы доползти по трактам до столицы.

Всех прибывших временно разместили в загородной управе Дирекции дворцового хозяйства, подальше от посторонних глаз.

Хотя главное здание Дирекции находилось у самых стен Запретного города, загородное отделение подходило для этих целей куда лучше. Во-первых, тамошняя усадьба была просторнее, а во-вторых, можно было не опасаться, что какая-нибудь излишне честолюбивая девица ненароком потревожит императорский покой. Лишь на финальных этапах, когда претенденток останутся единицы, их перевезут поближе к дворцовым стенам.

В первый же день после размещения половина претенденток с треском вылетела из конкурса.

Девушек выстраивали шеренгами по десять человек, распределяя по возрасту. Слишком высокие, низкие, полные или излишне худые безжалостно отсеивались. Любая, кто хоть немного выбивалась из общего гармоничного строя, мгновенно исключалась, бесславно завершая свой однодневный столичный вояж.

Таковы были суровые правила первичного отбора.

Они не то что самого наследника Вэнь Хуайгу — они даже главного устроителя отбора, евнуха Чи Нина, в глаза не видели.

Отсевшиеся девицы могли вернуться с родителями домой либо избрать иной путь — остаться в столице и попытаться поступить на службу во внутренние покои дворца в качестве служанок. Разумеется, дворцовая служба тоже требовала суровой подготовки и жесткого отбора: лишь единицы получали заветное место, прочих ждало очередное изгнание.

Тем не менее многие упрямо цеплялись за эту соломинку. Уязвленное самолюбие не позволяло им сдаться: каждая верила, что рано или поздно сумеет возвыситься.

«И что с того, что я не стала супругой наследника? — успокаивали они себя. — Кто знает, быть может, в следующий раз судьба улыбнется мне, и я шагну в палаты самого императора в качестве благородной наложницы?»

Подобные тщеславные грезы витали в головах большинства претенденток.

Хотя Чи Нин не присутствовал на первичном просмотре лично, он внимательно следил за ходом дела. Честолюбие будущих служанок вызвало у него искреннее одобрение: именно такая готовность грызть глотки за место под солнцем ему и требовалась! Позже он обязательно подкинет этим амбициозным девицам шанс проявить себя. А уж сумеют ли они им воспользоваться — зависело исключительно от их собственной хватки и везения.

Второй этап испытаний назначили на следующий день.

Высоких гостей претендентки вновь не удостоились. На этот раз опытные евнухи оценивали их походку, звучание голоса, правильность черт лица, изящество конечностей и общую осанку. После безжалостного отсева в списке осталось немногим менее пятидесяти девиц.

На третий день уцелевших облачили в одинаковые неброские дворцовые платья и перевезли в Малый Северный дворец, расположенный у подножия горы Уцзян.

Малый Северный дворец располагался аккурат между императорской цитаделью и владениями Дирекции дворцового хозяйства. Это место традиционно служило пристанищем для тех, кто только готовился переступить порог Запретного города. Здесь девицам предстояло пройти изнурительный курс придворного этикета, и лишь по его окончании их ждал четвертый, предпоследний тур.

Однако до начала занятий претенденткам предстояло выдержать весьма деликатную процедуру — полный телесный осмотр. Это и был третий этап отбора, доверенный строгим дворцовым нянькам-момо.

Официально сие действо именовалось благородной заботой о чистоте великокняжеской крови. На деле же это было проявлением чистейшего лицемерия: мужчинам позволялось погрязнуть в распутстве, в то время как от женщин требовали абсолютной, хрустальной чистоты.

Чи Нин подобные догмы всегда искренне презирал. Наверное, именно из-за этого бунтарского духа он и считал себя законченным негодяем. Еще в юности, впервые столкнувшись со священными правилами предков, он не мог подавить в себе крамольную мысль:

«С какой стати мы обязаны этому подчиняться?»

Лично пред очи кандидаток Чи Нин явился как раз в разгар этих унижительных процедур. Подобный телесный досмотр, сопряженный с полным разоблачением, переодетые мужчины пройти бы не смогли при всем желании, так что Чи Нину пришлось брать дело под личный контроль. Ставки были слишком высоки, и в этом вопросе он не мог довериться даже преданному Ся Ся.

Среди тех, кого Чи Нин тайно провел с собой, первой шла Вторая барышня У, младшая сестра зятя принцессы Чанлэ. Она и ее спутница Ваньвань были единственными настоящими женщинами в этой странной компании.

Барышня У решилась на этот шаг лишь потому, что несколько дней назад ее старший брат из-за вопросов ее замужества в пух и прах разругался с принцессой Чанлэ. Это была самая бурная ссора между супругами с момента их свадьбы. Не желая становиться яблоком раздора и разрушить семейное счастье брата, своенравная девушка решила укрыться от назойливых свах среди кандидаток в супруги наследника.

Что же касается ее дальнейших планов...

«Поживем — увидим», — философски рассуждала Вторая барышня У.

Ее легкому отношению к жизни можно было лишь позавидовать. Она все еще сомневалась, стоит ли им с Ваньвань искать для видимости какого-нибудь покладистого мужа. В этом мире женщинам всегда приходилось тяжелее, нежели мужчинам. Даже в любви к собственному полу мужчины пользовались куда большей свободой.

Какая поразительная несправедливость.

Чи Нин не отличался излишней сентиментальностью, но поскольку Вторая барышня У входила в список тех, кому покровительствовал Вэнь Хуайгу, он проявил к ней чуть больше снисхождения:

— Можешь думать сколько угодно. Вплоть до финального тура у меня будет возможность вычеркнуть твое имя из списков.

— Благодарю за заботу, господин Чи.

— Не стоит, — Чи Нин всегда предпочитал говорить прямо. — Взамен ты окажешь мне услугу. Пока остаешься в Малом Северном дворце, присматривай за моими людьми и оберегай их от нападок.

Хотя Чи Нин и руководил отбором, в непосредственной близости от императорских покоев он не мог держать под контролем абсолютно все.

Как говорится, далекий закон не указ близкому чиновнику. Среди незащищенных девиц из простых семей сестра высокогородного зятя принцессы обладала неоспоримым преимуществом. Как бы брат ни сердился на нее, он вместе с августейшей супругой никогда бы не оставил сестру в беде. Не люби они строптивую девушку, они бы не позволяли ей потакать своим прихотям и жить с подругой все эти годы.

Для нового императора статус сестры зятя принцессы находился на самой грани допустимого. Принцесса Чанлэ приходилась приемной дочерью покойному императору Су; все ее кровные родственники давно пали на полях сражений. Она казалась невероятно благородной, но в действительности не имела ни капли реальной власти. О ее супруге и говорить не приходилось: со времен основания Великой Ци законы в отношении мужей принцесс были чрезвычайно суровы — им строго-настрога запрещалось занимать государственные должности. Подобный союз не нес в себе ни малейшей угрозы престолу, но при этом звучал вполне достойно. Государь спал и видел, как Чи Нин сосватает сестру этого безвредного вельможи за наследника князя Цзина. Впрочем, если бы статус будущей супруги наследника оказался еще ниже, правитель обрадовался бы еще сильнее.

Чи Нин не упустил случая воспользоваться этой лазейкой и протащил в ряды претенденток еще несколько доверенных лиц.

Среди них оказался и переодетый в женское платье Ли Юй, законный сын богача Ли.

Ли Юй наконец до конца осознал, для чего евнух разыскал его. После нескольких дней мучительных раздумий он дал твердое согласие: ради мести за загубленную жизнь матери он пойдет на все. Какое ему дело до условностей брака? Если Чи Нину угодно, он станет преданной, любящей женой для Вэнь Хуайгу и будет разыгрывать эту комедию до последнего вздоха.

«Если бы мою матушку просто убили, я бы, быть может, не испытывал столь удушающей злобы, — делился он мрачными воспоминаниями. — Но ее, носившую под сердцем дитя, до смерти забила плетью любимая наложница отца. А после... приказала вспороть ей чрево и вытащить уже сформировавшегося мальчика...»

Тогда все члены семьи Ли прекрасно знали о творившемся бесчинстве, но по тем или иным причинам предпочли либо закрыть глаза, либо молча потакать убийце. Сам Ли Юй в тот кошмарный вечер тоже находился в комнате: мать успела спрятать его в старом буфете, и испуганный ребенок сквозь щель в дверце лицезрел каждую секунду этой расправы.

В ту ночь прежний Ли Юй умер навсегда. На следующее утро глаза открыл совершенно иной человек — тот, кто жил лишь одной мыслью: стереть с лица земли весь род Ли, заставив каждого из них умирать в страшных мучениях.

Ради того, чтобы предать своих сородичей самым изощренным и мучительным пыткам, Ли Юй готов был заплатить любую цену.

Ли Юй прекрасно понимал, что его израненный разум рождает чудовищные идеи, которые любому нормальному человеку покажутся безумием. Чи Нин оставался его единственной надеждой. В конце концов, этот человек служил в наводящем ужас Восточном притворе и не отличался мягкосердечием. Ли Юй не искал понимания или сочувствия; ему нужно было лишь одно — чтобы этот грозный евнух не вздумал мешать его кровавой мести из соображений мнимого гуманизма.

Что касается Чи Нина...

По правде говоря, столь мрачная решимость пришлась ему по душе. Зло должно порождать зло, а долги — возвращаться сторицей. Никто из живых не имеет права великодушно прощать палачей от имени тех, кто лежит в сырой земле.

Глава культа Чжу вместе с сыном вождя клана Чу задерживались где-то в пути и до сих пор не прибыли в столицу. Чи Нин временно заполнил их места в строю подставными фигурами, решив совершить подмену, как только настоящие кандидаты явятся в город.

Их небольшая группа прибыла в Малый Северный дворец в самый подходящий момент: телесный досмотр только что завершился, а официальные списки еще не успели скрепить печатями.

Мелкие чиновники и евнухи тут же сочли себя великими мудрецами, решив, будто Чи Нин попросту оказывает услугу сестре августейшего зятя. Избежать унижительного раздевания перед чужими людьми — обычное дело для девиц из знатных семей, имеющих надежное покровительство. Что же касается остальных спутниц, сопровождавших барышню У, их сочли за личную свиту. В случае если бы государь вздумал устроить проверку, всегда можно было сослаться на то, что закон не карает всех без разбору. Подобные хитрости давно стали привычным делом в этих стенах.

К подобным уловкам все давно привыкли.

Однако без происшествий в этот день все же не обошлось.

И дело было вовсе не в том, что кто-то посмел открыто бросить вызов могущественному евнуху.

Просто одна из претенденток «случайно» покачнулась и едва не рухнула прямоком в объятия Чи Нина. Ее жеманный возглас раздался еще до того, как тело девицы пришло в движение, заставив Чи Нина содрогнуться от волны пробежавших по спине мурашек.

Стоявшая неподалеку прислуга от ужаса едва чувств не лишилась. Нынешний отбор невест определенно проходил под несчастливой звездой. Кандидатки подобрались одна честолобивее другой, и капризам их не было предела. То одна подставит сопернице подножку на лестнице, то другая подсыплет слабительного в чужую чашку — интригам и козням не виделось конца. Но попытка соблазнить грозного господина Линя превзошла даже самые смелые ожидания

дворцовых старожилов.

Эта девица что, белены объелась?

Еще до того, как девица успела коснуться его одежд, Чи Нин, не без незримой помощи господина Юаня, успел сделать изящный шаг в сторону. Потеряв намеченную опору, кокетка совершила в воздухе замысловатый пируэт, отчаянно взмахнув рукавами, но каким-то чудом все же сумела удержать равновесие и не растянуться на каменных плитах.

Устояв на ногах, она мгновенно сориентировалась и, резко развернувшись к замершим позади претенденткам, гневно выкрикнула:

— Кто это сделал?! Кто из вас посмел толкнуть меня в спину?!

Оценив по достоинству эту молниеносную изворотливость и потрясающее, эталонное бесстыдство, Чи Нин мысленно поаплодировал девице. Такую драгоценность следовало бережно упаковать и отправить прямым путем в императорский гарем.

Наш новый император определенно нуждается в тебе!

<http://bllate.org/book/20385/2149219>